

Во дворе постоянно курились благовония из литоспермума, и несколько дней подряд Чжао Нань спал как младенец.

Из княжеской резиденции ему без конца приносили лекарственные и укрепляющие отвары. Постепенно лицо перестало быть таким бледным, как в первые дни.

А раз тело окрепло, то и сил стало больше.

Чжао Нань решительно закатал рукава и под руководством Фухая старательно выводил на черновой бумаге список приглашённых на банкет.

— Ой-ой...

Фухай наклонился, несколько мгновений разглядывал написанное, а затем лицо его сморщилось так, словно глазам стало физически больно.

— Ваши иероглифы...

Чжао Нань был княжеским супругом, и по всем правилам Фухай не смел критиковать его.

Вот только сам Чжао Нань упорно требовал оценки.

— Ну как, евнух Фухай? Что думаете?

Древние иероглифы были сложными, язык — тёмным и непонятным. Чжао Нань просто копировал образцы, нарисовав на бумаге с десяток чёрных клякс. Получившийся шедевр был настолько безобразен, что мог оскорбить и людей, и богов.

Старое лицо Фухая стало цвета свиной печени. Слова «прекрасно написано» застряли в горле: настолько бессовестно солгать он всё же не мог.

— Что именно «как»?

Летний ветер принёс из-за спины ясный молодой голос.

Чжао Нань обернулся и увидел подростка, который входил в беседку.

На лице у того играла бесшабашная ухмылка. Он широким шагом подошёл ближе, с интересом глянул на лист — и тут же скривился.

— Ха. Никак.

Чжао Нань:

— ...

Всего два слова — и сердце уже пробито насквозь.

Юноша отвёл взгляд от бумаги и посмотрел на Чжао Наня.

— Так это ты — наньцзянская жена, которую взял мой дядя-князь.

Дядя?

Значит, сын какой-то принцессы.

Чжао Нань улыбнулся, с важным видом махнул рукой и тут же ответил ударом на удар:

— Что за ребёнок. Называй меня тётушкой.

Хо Чэнчуань уставился на него в полном неверии:

— Да ты с виду младше меня!

— ...

Чжао Нань спокойно посмотрел на него и потёр онемевшее ухо.

— Тогда вини своего дядю-князя. Старый бык решил отведать молодой травы...

Фухай рядом едва не закатил глаза от ужаса. Прижав ладонь к груди, он дрожащим голосом попытался остановить обоих:

— Господа, господа...

Хо Чэнчуань кипел, но всё же заставил себя снова посмотреть на шедевр Чжао Наня. И вдруг на чём-то замер.

На бумаге как раз составлялся список гостей. Он был родственником Фу Цзюэчжи, поэтому его имя, разумеется, тоже присутствовало.

Теперь Хо Чэнчуань смотрел на три каракуля, похожих на следы собачьих лап. Казалось, ответ вертится на языке, но никак не приходит.

Чжао Нань великодушно подсказал:

— Здесь написано «Хо Чэнчуань».

Сам Хо Чэнчуань будто подавился:

— ...

— Не узнал?

Чжао Нань застенчиво улыбнулся и великодушно признал:

— Я немного невнимательно написал. В целом — средненько.

Хо Чэнчуань холодно усмехнулся:

— А ты вообще старался?

Наконец-то удалось хоть раз поддеть Чжао Наня. Настроение Хо Чэнчуаня заметно улучшилось. Подумав, он всё же решил дать добрый совет:

— Ты из Наньцзяна. Ничего странного, что не очень хорошо знаешь письменность Дачана.

Чжао Нань серьёзно кивнул.

— Но нельзя же... по крайней мере, не стоит...

Хо Чэнчуань явно не знал, как сказать помягче.

— В общем, учись нормально.

Он тяжело вздохнул, взмахнул краем одежды и с видом героя развернулся уходить.

— Если захочешь пойти в учебную палату, можешь обращаться ко мне за советом.

Чжао Нань задумчиво кивнул и с благодарностью ответил:

— Тогда я и правда не постесняюсь спросить у нижестоящего?

Стоявший рядом слуга:

— ...

Лучше всё-таки постесняйтесь.

Хо Чэнчуань наконец понял, что его снова поддели. Он фыркнул и широкими шагами ушёл.

Чжао Нань проводил его взглядом, затем будто что-то вспомнил и повернулся к Фухаю.

— Он хорошо учится?

Фухай вытер пот со лба. После этих двоих он чувствовал себя совершенно измученным.

— Молодой господин Хо...

— Последний в своей учебной группе.

— ...

Так прошёл весь день.

К вечеру Чжао Нань только закончил ужинать, как из внешнего двора пришёл слуга и передал: немного позже князь ждёт его в своих покоях.

Жизнь в резиденции была удобной, а Фу Цзюэчжи он не видел уже целых семь дней.

Чжао Нань отозвался и тут же отправился в путь.

Пройдя мимо павильона у воды и свернув во двор, он увидел впереди освещённую комнату.

Стоило открыть дверь, как стал отчётливо слышен голос Лоу Чжоу:

— Счета по списанному железу из Цяньчжоу уже переданы. Сегодня заместитель главы Далисы прислал ответ: в другой день он обязательно лично явится в резиденцию и выразит благодарность.

Фу Цзюэчжи потёр переносицу и поднял глаза на звук двери.

В комнату вошёл юноша, весь залитый лунным светом, и махнул рукой:

— Привет, муж!

Прозвучало это ровно как «здорово, братан».

Лоу Чжоу поклонился обоим, вышел и закрыл дверь.

Свет свечи мягко пополз по ширме.

Фу Цзюэчжи посмотрел на сияющие глаза Чжао Наня и усмехнулся:

— Супруг сегодня говорил, что я старый?

Чжао Нань:

«!»

Кто тут такая дырявая корзина, из которой всё вываливается?!

Он сжал кулак и мысленно записал Фухаю один большой минус.

Фу Цзюэчжи не упустил ни одного его движения и невольно отвёл лицо, тихо рассмеявшись.

— Иди сюда.

Чжао Нань понимал, что неправ, и медленно-медленно поплёлся к нему.

— Сегодня в резиденцию приезжала принцесса, обсуждала со мной праздничный банкет, — сказал Фу Цзюэчжи, глядя на него. — Чэнчуань пришёл вместе с ней.

Услышав имя, Чжао Нань сразу вспомнил дневную встречу.

— Я его видел.

Он тяжело вздохнул:

— Представляешь, хотел обманом заманить меня в учебную палату, чтобы я занял его почётное последнее место.

Фу Цзюэчжи очень серьёзно поднял бровь и постучал пальцем по письменному столу.

— Чэнчуань говорил, что почерк супруга очень своеобразный. Настолько, что прочим остаётся лишь смотреть издали и признавать поражение.

Чжао Нань насторожился.

Он ещё не успел произнести ни слова в своё оправдание, как Фу Цзюэчжи уже вложил ему в руку кисть.

— Я тоже хотел бы полюбоваться.

Чжао Нань:

— ...

Он точно над ним издевается.

На столе лежал лист сюаньской бумаги. Похоже, им недавно пользовались: на поверхности ещё

сохранялись строки, написанные Фу Цзюэчжи.

Чжао Нань дрожащей рукой вывел рядом собственное имя.

Ухо чуть дёрнулось — он услышал тихий, откровенно довольный смешок.

Чжао Нань обиженно посмотрел на него:

— Да, пишу я не очень красиво, но не настолько же смешно.

Почерк Фу Цзюэчжи был мощным, густым и свободным.

Если поставить их рядом, выходило действительно: одно красиво, второе — смешно.

Пламя свечи дрогнуло от ветра, бросая на стену две тени.

Фу Цзюэчжи опустил глаза и вдруг почувствовал, что всё это довольно забавно.

Костяшки несколько раз легко постучали по древку кисти. В голосе появился явный интерес.

— Супруг хочет пригласить учителя в резиденцию или пойдёт заниматься в учебную палату?

Чжао Нань без костей распластался на столе, но от этих слов радостно поднял голову.

Он и сам давно об этом думал.

Попав в этот мир, он, во-первых, не узнавал сложные иероглифы, во-вторых, совершенно не умел писать на классическом языке. Кроме способности открыть рот и что-нибудь сказать, от неграмотного человека почти ничем не отличался.

Учиться никогда не поздно.

Получалось, образование ему действительно необходимо.

Вот только если пригласить учителя домой, это будет индивидуальное занятие один на один...

Спасите.

Такая жизнь была бы настоящей ходьбой по тонкому льду: закрыл глаза — и всё, конец света.

Чжао Нань содрогнулся и без колебаний заявил:

— Лучше пойду в учебную палату и честно заберу себе последнее место.

Он радостно хихикнул, но вдруг что-то вспомнил, подполз ближе к Фу Цзюэчжи и несколько раз ёрзнул перед ним.

— Погоди. Разве из резиденции не должна вылететь даже одна голубка?

Фу Цзюэчжи тихо рассмеялся. В глазах скользнула тень, но выражение осталось спокойным.

— Супруг ведь не голубка.